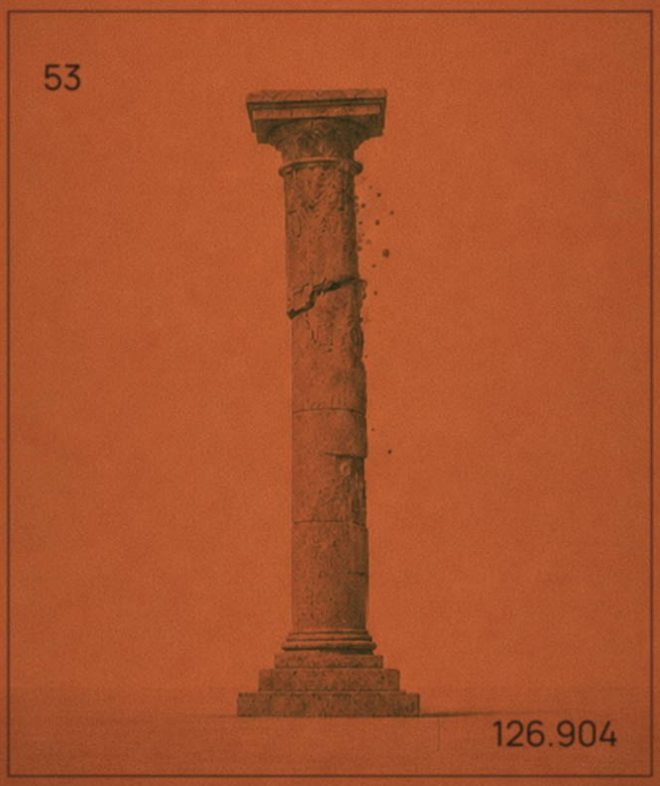

ЙОД

18+

Макс Иванов

Макс Иванов

Йод

«Бастард»
2026

Иванов М.

Йод / М. Иванов — «Бастард», 2026

ISBN 78-5-6056781-1-3

После операции и лечения радиоактивным йодом телеоператор Илья, казалось бы, должен радоваться второму шансу. Вместо этого он отталкивает любимую женщину, ссорится с лучшим другом и отправляется снимать фильм в Сирию — страну, о которой почти ничего не знает. Здесь съемка быстро перестает быть просто работой. Обстрелы, разрушенные города и встречи с людьми, потерявшими близких, больше не позволяют Илье прятаться за камерой — ни от чужой боли, ни от собственной. Чтобы вернуться домой, ему придется не только выжить, но и ответить на самый трудный вопрос: можно ли вернуться к жизни, не простив самого себя?

ISBN 78-5-6056781-1-3

© Иванов М., 2026
© Бастард, 2026

Содержание

Часть первая 6
«Саратов. Химки» 6
«Оранжевый – хит сезона» 12
«Садык» 18
«Репин» 25
«Муавия» 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Макс Иванов
Йод

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещён и влечет установленную законодательством ответственность

Цифровое издательство «Бастард», 2026

* * *

Йод – весьма странная субстанция, и он всегда хотел мне испортить жизнь. Сначала эти йодовые сетки, потом профилактические таблетки со вкусом мыла, ну и двойка по химии за полугодие из-за этого химически активного неметалла. При этом йод является важнейшим микронутриентом. То есть каждая клетка человеческого тела нуждается в йоде. А парадокс в том, что в виде свободного вещества он ядовит. При попадании внутрь человека случается почечная недостаточность и поражение сердечной мышцы. Без лечения – летальный исход.

За два года до моего рождения бахнул Чернобыль, и радиоактивные изотопы йода разлетелись по планете в поисках нового жилища. Некоторые из них прикинули, что я – отличное планировочное решение. Заселились в меня и устроили вечеринку, как говорится, с блэкджеком и шлюхами. Афтепати затянулось. А я, сам того не ведая, стал невольным участником этой вписки, предоставив хулиганам свое тело как жилплощадь. Такой биологический рэкет. Пришлось вызывать спасателей и вытаскивать этих безбожников силой. Хату раскурочили к хренам.

Часть первая

«Саратов. Химки»

– Ну, это провал, короче… – сказал Филипп, когда я очнулся в палатке. Он сидел, обхватив голову руками.

– Что случилось? – спросил я, привстав с койки.

И тут же скорчился от боли. На лбу я нащупал небольшую шишку. Я не мог вспомнить, как оказался здесь. Филипп поднял голову и сказал:

– Посадят нас с тобой, вот что…

– Чего?!

– …Или расстреляют…

– Да что случилось?!

– Его ранило! Он в операционной сейчас…

– Кого ранило?!

– Слушай, там с ними тот сириец, который сына ищет… Может, это он устроил? И он совсем не тот, за кого себя выдает?

Филипп явно был не в себе. Он не смог ничего мне объяснить и не знал, где были остальные парни. Сказал только, что еще видел Артема с раненым Репиным в медицинской палатке.

– Зря они, Илюха, поехали в эту пустыню одни…

– Артем тоже ранен?! – испугался я.

– Не знаю. Говорит, что Репин спас его, или он Репина, или сириец этот, который сына ищет… Короче, неважно. Всё равно расстреляют…

Как там поется?

«О дивный Восток!..»

Это был наш четвертый день в Сирии в качестве журналистов.

«…О сказочный край!..»

И зачем я вообще согласился сюда поехать?

«…Здесь яд и булат погибель сулят, смотри не зевай».

Москва, полгода назад

– И сколько дней у вас запор? – спросила меня симпатичная медсестра.

Стало неловко.

– Ну, дня три-четыре.

– Ясно. Посмотрим.

Поджала губки и намазала живот гелем. Не себе, а мне. Холодным взглядом посмотрела на него. И таким же холодным аппаратом УЗИ надавила чуть ниже грудной клетки.

– Ничего страшного, – говорит. – Меньше жирного и жареного. Больше воды. В общем, все нормально. Поднимайтесь.

Поднимаюсь.

– А нет, подождите. Вы же по акции пришли?

– Да.

– Тогда у вас комплексное обследование. Ложитесь и поднимите голову.

Намазала гелем шею. Поводила-поводила. Вздохнула.

– Что-то мне вот здесь не нравится.

– Сделаем биопсию щитовидной железы – без нее непонятно, – сказал эндокринолог.

Укол неприятный.

– Хм, – сказал доктор и замолчал.

Я пошел к другим врачам.

И все они такие: «Хм».

– Илья, здесь, конечно, вам решать, – сказал один из них. – Но вялость, недосыпы, перемены настроения… Все это будет только усугубляться.

Доктор был добрый. Как Айболит. На операции не настаивал.

– Она хоть и плановая. Но не затягивайте. А если планируете беременность – советую вам с женой подождать.

Вот не зря маркетологи эти акции придумывают! Без нее я бы и не узнал, что какашка-то у меня не в животе застряла, а под шеей. А тут, пожалуйста, «УЗИ тела за три тысячи рублей». И Лиза такая: «Клево, еще на винчик останется. На обратной дороге купи». Купил. Но пить уже не хотелось.

Мы с Лизой три года жили вместе. А до этого еще три года просто встречались. Ее отец стал настаивать на свадьбе, когда узнал, что Лиза перевелась в институте на заочку. Даже снял нам квартиру. А мы каждый вечер смотрели из окон этой квартиры на шоссе под окнами, где две девушки в коротких юбках и колготках ожидали очередных попутчиков. Мы снимали их на камеру, придумывая сюжеты их будущих ночей. И оттягивали свадьбу, ища отговорки. Нам казалось, что этот штамп в паспорте мы всегда успеем получить, а вот наслаждаться молодостью нужно сейчас. Мы шлялись по барам, клубам, летали на моря и океаны, много смеялись, занимались сексом и не расставались ни на один день. Возможно, именно поэтому моя любовь наполнилась ревностью. Возможно, именно из-за нее я и устроил скандал, когда увидел Лизу с каким-то парнем в институте. Возможно, из-за этого я и заставил ее выбирать между мной и учебой. Возможно, именно из-за этого выбора, который ей пришлось сделать, в итоге никакого выбора у нее больше и не осталось. Мы стали связаны одной цепью. Или как там поется? Мы стали одним существом, в котором двоим было слишком тесно. В итоге мы потеряли возможность двигаться. Мы замерли. И Лиза стала чаще говорить о детях. Наверное, для нее ребенок мог стать возможностью избавиться от этих цепей. Снова почувствовать себя отдельным человеком и посмотреть на мир своими глазами, а не через отражения в моих. Я понимал, что выросший во мне эгоизм надо препарировать. В итоге анализы, согласие на хирургическое вмешательство, заселение в палату клиники, бритье волос на груди, каталка до операционной, анестезия, обратный отсчет: три, два, один…

Бип. Бип. Бип…

Монотонное пульсирующее пиканье. Сначала подумал, что кто-то трубку забыл положить и теперь гудки эти раздаются. Нет. Телефоны здесь вообще запрещены. Реанимация все-таки. Вокруг темно, только огоньки мигают. Разные мониторы, датчики, и я ко всему этому подключен проводами и трубками. Прям как Нео. Так вот насколько глубока кроличья нора…

– Добрый день. Как самочувствие? – спросила медсестра.

Пытаюсь ответить. Не получается. Рот, что ли, зашили? Точно Нео. А медсестра – агент Смит.

– Не беспокойтесь. Голос скоро вернется. Давайте катетер извлеку.

И полезла куда под одеяло. Я руками за ней. Чувствую, медсестра как будто тянет меня за пенис. Я его хватаю, обратно тяну. И вдруг понимаю, что внутри него трубка…

– Я са-а-а-а-ам! – просипел я.

– А вот и голос вернулся, – сказала медсестра и ушла.

Отбился. Один-ноль в мою пользу, агент Смит. Лежу такой победитель. Одной рукой пенис держу, а другой трубку, торчащую из него. Зашел хирург.

– Добрый день, Илья, как самочувствие?

Я покачал головой.

– Послушайте, гистология показала в левой доли наличие раковой опухоли. Поэтому щитовидную железу пришлось удалить полностью.

– Зашибись, – просипел я.

Через несколько дней я вернулся домой. После операции появилась опция: пожизненный запас таблеток для гормональной терапии.

– Препарат гормонов щитовидной железы, – сказал доктор. – Синтетический левовращающий изомер тироксина – левотироксин натрия.

– Лево чего? – уточнил я.

– Я бы не шутил, Илья, – сурово ответил он. – Две таблетки каждый день за тридцать минут до еды. Несложно, но жизненно необходимо. Эффект накопительный. А если станешь пропускать их прием, снова увидимся на операционном столе.

Через несколько недель рана от хирургического вмешательства зажила, и мы с Лизой всерьез задумались о ребенке.

– Будет весело, – сказала Лиза. – И про болезнь твою забудем.

– Согласен.

Пробовали, но не получалось. Пришлось пройти обследование. Опять. У Лизы всё было в порядке. Значит, снова косячил я.

– Вот вам баночка. Комната по коридору прямо и направо. Там пульт и дивиди с фильмами.

– Фильмами?

– Для стимуляции эрекции.

– А с женой можно?

– Можно.

Комната маленькая. Свет приглушен. Так ведь можно и промахнуться мимо баночки. А вообще забавно. Получается, что «это» надо сделать как бы не для удовольствия, а в медицинских целях.

– Руки продезинфицирую, – сказала Лиза.

– Ага, – мне было некомфортно.

– Снимайте штаны, мистер! – крикнула Лиза.

– Ага.

– А че так вяленько?

– Ну знаешь, странно всё это.

Лиза загадочно улыбнулась. Почему-то ее всегда веселили такие ситуации.

Пришли результаты: «Биоматериал малоподвижен». Биоматериал? И что это вообще значит? Как можно так будущих детей называть? Еще видео прислали, снятое под микроскопом.

– Вроде двигаются бодро, – сказал я.

– Ну, видимо, недостаточно бодро, – заметила Лиза.

Пошел к урологу. Показал результаты. Говорит:

– Снимайте штаны, мистер.

Ну это уж вряд ли.

Но все равно снял.

– Стресс испытывали последнее время?

– Только его и испытывал.

– Ну тогда ложитесь. Посмотрим, – и потер руки.

Процесс не столько унизительный, сколько болезненный. Я пару раз закричал. Но не заплакал. Мужик.

Москва, за день до поездки в Сирию

– А вот и наши герои! – бодро сказал полковник и пожал нам руки. – Бойцы! На инструктаж перед поездкой в Сирию – за мной!

Мы, хоть и не бойцы, но всё равно пошли. В команду «героев» под предводительством безымянного полковника – здесь звучит пафосная музыка, что-то типа «тада-да-там-пам-там-пам-пам» – входило четверо:

Герой Раз

Дима – автор фильма и просто красавчик.

Ну то есть он прям красивый. Ухоженный такой, волосы гелем мажет, иногда сеточку на них натягивает, борода аккуратная, всегда подстрижена, одежда чистая и наглаженная. В прошлом Дима – редактор модного глянцевого издания. Но бросил его и пошел на телек военным корреспондентом. На первый взгляд, логики в этом нет. Но у Димы есть брат – майор, который уже как полгода находился в Сирии. Он там организовывал гуманитарные миссии для беженцев. Родители гордились им безумно. Миротворец. А Дима тщеславный. И тщеславие это двигало им всю его сознательную жизнь. Тут тоже оно сработало изящно. И хотя Дима был либеральным товарищем, и эта Сирия была ему побоку, он твердо решил доказать, что он круче брата.

Герой Два

Филипп – продюсер. Он же – майор в отставке.

То есть отслужил, а потом уволился. Служил в пресс-службе где-то на флоте. Писал статьи, фотографировал грозные корабли и всегда говорил: «Красная армия всех сильнее». Затем получил квартиру и из армии уволился. И пошел на телек готовить сюжеты про людей в форме. Красная Армия-таки оказалась всех хитрее. Он после этого переживал острый профессиональный кризис. После увольнения из армии некоторые военные считали его предателем. А телевизионная тусовка его так и не приняла. Ни то ни се, что называется. И Филипп обдумывал, как разом решить обе проблемы. Случившаяся в Сирии заварушка открыла для него, как он говорил, «окно возможностей».

Герой Три

Артем – ассистент оператора.

Еще вчера – студент колледжа с сомнительным военным билетом, устроившийся работать на телек по рекомендации своих друзей. У него на районе половина знакомых парней работали на телеканале в технических группах. Артем был самым молодым среди них, но старался не отставать от тенденции и всячески добивался их уважения. Видимо, у этой банды телепузиков был план однажды захватить телевидение.

Герой Четыре

Илья – оператор. Я.

«Я – последняя буква в алфавите», – говорила нам учительница по математике, когда кто-то из нас «якал». Она была ярой коммунисткой, носила красные платья и нюхала чеснок, когда появлялся кашель. И твердила, что коммунисты не болеют. У них иммунитет ко всей этой заразе. Портреты Ленина и Сталина висели прямо над доской. А говорят, у нас демократии нет. И мы под столь суровыми взглядами бывших вождей учились дружно, отважно и, видимо, за Родину. Я тогда мало задумывался о том, куда пойду учиться после школы. Просто плыл по течению, которое, по словам родителей, обязательно должно было привести меня к водопаду. Откуда я обязательно улечу на самое дно. Они пугали меня армией, поэтому я стал пить много кофе и курить сигареты. Даже Джармуша посмотрел, чтобы сильнее себя замотивировать. В итоге медкомиссию не прошел. Ровно как и экзамен в институт, куда меня так тщательно готовил репетитор. Зато поступил на операторский факультет небольшого телевуза. Спасибо, мистер Джармуш!

На следующий день после формального инструктажа мы оказались на военном аэродроме, куда нас привез тот самый безымянный полковник.

– М-да, не Шарик[1], конечно. – сказал Дима. – Я когда работал в журнале, мы с моделями по пять раз в месяц летали в Дубай и на Сейшелы…

– Нас, надеюсь, трахать не собираешься? – иронично спросил Филипп.

Дима ехидно скорчил рожу.

– А я во времена командировок, – продолжил Филипп, – отсюда летал по всему Союзу…

– По России, – уточнил Дима.

– И по России тоже. Мы, помню, с моим товарищем три дня до Хабаровска добирались…

– Ого, а я смотрю, тут авиация не очень расторопная? – заметил Дима.

– Авиация-то расторопная, – ответил Филипп, – а вот с пассажирами бывают проблемы. Мы сначала до Благовещенска летели. Товарищ в дрищ пьяный. Пришлось два дня его по всему аэродрому искать – он там шилом догонялся…

– Че за шило? – спросил я.

– Спирт с водой, – сказал Артем со знанием дела.

– Ого, – похлопал его по плечу Филипп. – Надеюсь, с тобой таких проблем не будет?

– А я надеюсь, что мы быстрее доберемся, – сказал Дима.

– А сколько лететь? – спросил я Филиппа.

– Часов пять-шесть, – ответил он. – Там хитрый маршрут.

– Нам бы оборудование в салон взять, – забеспокоился я.

– Возьмем в салон, не переживай, – ответственно сказал Филипп. – Это ж не Победа. Это военная авиация. Ну и вряд ли Дима отдаст кому-то свой огромный желтый чемодан.

– Я вообще-то в кадре работаю, а мы летим хрен знает куда, – ответил Дима. – Вы сами-то хоть трусы запасные взяли?

– А ты чего это нашими трусами интересуешься? – подколол его Филипп.

– Очень смешно, – ответил Дима. – Что, кстати, с нашими суточными, Фил?

– Я договорился – суточных не будет.

Мы переглянулись.

– Шутка. По прилету отдам.

Через час нас пригласили в самолет. Дали какие-то советские посадочные с надписью «Аэрофлот» и открыли двери, ведущие на взлётную полосу.

– Надеюсь, за перевес не придется платить? – усмехнулся Дима.

До самолета со всеми вещами и оборудованием нужно было идти пешком метров триста.

[1] Шарик (разг.) – международный аэропорт Шереметьево.

– Блин, мне одному, что ли, технику тащить? – застонал Артем. – Илюх, ну ты хоть камеру возьми.

– Ща возьму, не ной.

Пока тащили – повалил снег.

– Серьезно? – удивился Дима.

– Может, это плохой знак? – настороженно сказал Артем.

– Глупости какие, – успокоил нас Филипп. – Про глобальное потепление слышали?

– А при чем тут снег?

– Погода меняется, может, у нас тут вообще скоро Северный полюс будет. Или Южный, – ответил Филипп и помахал пилотам.

Внутри сидел молодой летчик и вглядывался в падающий снег. Вокруг самолета бегали техники и осматривали двигатели, шасси и что-то там еще.

– Хороших вам съемок, товарищи журналисты! – крикнул сзади безымянный полковник. – Ни пуха, как говорится.

– К черту! – крикнул Филипп, помахав и ему рукой.

Дима закинул чемодан на ступеньку трапа.

– Тяжелый, сука.

Зашли в салон. Обычный такой самолет. Кресла узкие, не откидываются. Обтянуты какой-то пегой тканью. В них устраивались наши попутчики – полковники и генералы. Никак не усядутся. Елозят в них и папки свои рассматривают. И что-то про Саратов с Химками говорят. Я подумал, что самолетом ошиблись. Но оказалось, это конспирация. Игра слов или чего-то там еще. Сирийская Арабская Республика – САР – Саратов. Сирийский аэропорт Хмеймим[2] – Химки. Всё же просто.

Я посмотрел в окно. Снег успел укутать всю взлетную полосу, и солдаты тщетно расчищали ее лопатами, кидаясь друг в друга снежками. Артем достал из рюкзака тушенку, открыл и жадно зачавкал. Вонь разлетелась по всему салону. Генералы даже носы позакрывали.

– А че? – сказал Артем, заметив наши сконфуженные лица. – Я есть хочу.

Каждый из нас представлял эту поездку по-своему. И у каждого из нас были там личные интересы, цели или просто желания. И я подумал, что Артем прав: хотеть чего-то – важно. Даже если это просто желание поесть. Иначе кто мы без желаний? Консервные банки, набитые обидами, грустью и разочарованием. Я подумал о Лизе. Вспомнил нашу квартиру. Вспомнил наши поездки, наши обнимашки, наши рисунки на стене в комнате. Нашу ссору и мою злобу, вследствие которой я решил лететь в Сирию. Вспомнил даже кота нашего, которого я – вот блин! – оставил дома одного.

Самолет разогнался и плавно оторвался от земли.

– О дивный восток, о сказочный край… – запел Артем с набитым тушенкой ртом.

[2] Хмеймим – сирийская авиабаза в провинции Латакия, на которой с 2015 года официально дислоцируется авиационная группа Воздушно-космических сил (ВКС) России.

«Оранжевый – хит сезона»

Сирийская Арабская Республика. День 1

Ночью после посадки на сирийском аэродроме Хмеймим майор местной пресс-службы давал нам указания.

– Товарищи журналисты, меня зовут майор Александр Протасов. Слушайте меня, и никакой самодеятельности на авиабазе. Это действующий военный объект. По аэродрому передвигаемся только со мной или в сопровождении другого представителя военного ведомства. И только на специально выделенном для наших целей автобусе.

Мимо нас прошел летчик. Я достал камеру и стал его снимать. Майор закричал мне, что это несанкционированная съемка, но я не обратил внимания. Пилот шел к самолету, вглядываясь в ночное небо. А через мгновение рядом с ним появился Артем с сигаретой в руке и в своих огромных темных очках. Видимо, насмотрелся «Топ Гана»[3]. Я крикнул Артему, чтобы убирался прочь и не портил мне кадр. Он отмахнулся и что-то начал говорить пилоту. Тот остановился. Молча посмотрел на него. Потом на меня. Потом на кричащего на нас майора пресс-службы. Дима в это время делал селфи на фоне боевых самолетов. Пшик! Раздалось у меня под ухом. Филипп открыл банку пива и смачно глотнул.

– Отличная погода здесь, Илья, – сказал он. – Думаю, у нас все получится.

– Филипп Натанович! Что вы творите! Я требую порядка!! – кричал покрасневший майор, бегая вокруг нас. – Ты продюсер, ты у них главный. Прикажи им, чтобы слушались меня!

– Майор, ну как ты себе это представляешь? – спокойно ответил Филипп, отхлебнув из банки. – Я не могу им приказать. Мы же не военные.

– Товарищ продюсер, здесь за вас отвечаю я. И у меня приказ на этот счет, – майор Протасов многозначительно указал на свою папку. – А если бы они под самолет попали, а если бы их вертолет своими лопастями…

– Майор Протасов, отставить! – его панику пресек подошедший к нам полковник. – Приветствую, как добрались?

Его звали полковник Липатов. Он обнял Филиппа. То ли они служили вместе, то ли учились – короче, братья по оружию.

– Приветствую вас, товарищ полковник, – радостно сказал Филипп. – Слегка тряхануло при посадке. Вот успокаиваюсь.

Филипп приподнял банку пива.

– Филипп Натанович, ну что это? Убери, – сказал полковник Липатов.

– Есть убрать! – бодро ответил Филипп и сунул банку в руки покрасневшего майора. Потом Филипп хлопнул Липатова по плечу, давая понять всем присутствующим, насколько он здесь свой в доску. А майор так и остался стоять с банкой пива.

– Доброй ночи, товарищ полковник, – засуетился Дима. – Меня зовут Дмитрий Раенков. Спасибо за теплый прием.

Помимо тщеславия у Димы был хорошо развит скилл подхалимства. Когда он только начал работать с военными, первое, что ему необходимо было сделать – это выучить их звания. Одна маленькая звезда – сержант, две – лейтенант, три – старший лейтенант… Однако очень быстро он понял, что все, кто ниже подполковника – две большие звезды, – для него не

[3] «Топ Ган» (Top Gun) – культовая американская кинодилогия (1986, 2022) о летчиках-истребителях, закрепившая в попкультуре образ крутого пилота в больших темных очках-авиаторах.

имеют никакого значения. Поэтому погоны полковника Липатова, блеснув, приманили Диму как сороку.

– Знаю, знаю, Дмитрий. Смотрим вас по телевизору и в интернете…

– О, у вас есть интернет? – перебил полковника Артем.

– Так точно! В пресс-центре у товарища майора. Интернет, чай, кофе, раскладушки. Саша, – обратился он к Протасову. – Устрой ребят на ночь, а мы пока с Филиппом Натанычем зайдем к командиру авиабазы.

– Так мы вроде в гостиницу должны ехать? – удивился Дима.

– Гостиница в городе, – ответил Липатов. – Ночью ехать опасно. Сегодня тут переночуете, а завтра решим, что и как.

Дима недовольно посмотрел на Филиппа. Тот заметил это, но кивнул на Липатова, мол, это не мое решение. И весело удалился с полковником под руку.

– А барахло снова мне тащить, что ли? – недовольно крикнул Артем, подбирая слетевшие с него очки. И, не дождавшись ответа, взвалил сумку Филиппа на плечо.

Как рассказал нам майор Александр, раньше Хмеймим был гражданским аэропортом в процветающей провинции Латакия. И регион этот ни в чем не уступал курортам Средиземноморья. Сюда прилетали исключительно в туристических целях. Но потом цели изменились.

– И теперь здесь летают совсем другие самолеты. – резюмировал он. – Борьба с террористами идет успешно. Но они – метастазы войны. А метастазы нужно искать и удалять…

Комната пресс-центра находилась в здании диспетчерской вышки, с третьего этажа которой велось управление боевыми полетами. Нам же сказали ехать на второй этаж и указали на узкий лифт. С нашим барахлом и техникой на это понадобилось прилично времени. А так как мы заняли единственный лифт, майор снова занервничал. Ведь в это самое время с взлетно-посадочной полосы один за одним взлетали самолеты в свое неспокойное ночное небо. И с третьего этажа диспетчерской вышки быстро никто не мог спуститься, и никто не мог туда попасть. Поэтому все ходили в обход по винтовой лестнице туда-сюда. Спускались и поднимались, и злобно-злобно смотрели то в нашу сторону, то на майора пресс-службы.

В комнате было прохладно. В одном углу стояли столы с компьютерами, фотоаппаратами, принтером и прочим вооружением пресс-центра. В другом – несколько ящиков с апельсинами и клубникой.

– Подарок от сирийцев, – смущенно сказал майор.

Покидав вещи в угол, Артем первым делом спросил про вай-фай. Интернет был. Небыстрый, но для соцсетей хватало. Он тут же начал строчить письма пацанам с района и громко ржать. Дима позвонил какой-то подруге и поныл про суровые условия и тяготы, которые пали на его красивые мужественные плечи.

– Мда, – вздохнул он, смотря в телефон. – Тиндер[4] показывает, что ближайшая девушка тут где-то в Израиле.

Я уставился в окно – из-за облаков выглянул полумесяц.

– Илюх, а ты че никому не пишешь, не звонишь? – спросил у меня Дима, отложив телефон.

– Да я как-то и не сказал никому, куда улетаю.

– Да ладно? – удивился Артем. – А если что-то случится?

– Если вы, товарищи журналисты, будете слушать меня и других представителей военного ведомства, то, уверяю, с вами ничего не случится, – ответил ему майор.

[4] «Тиндер» (Tinder) – популярное мобильное приложение для знакомств; подбирает пары по фотографиям и геолокации.

– Мне знакомый с района рассказывал, что его знакомого чуть в плен не взяли, – сказал Артем. – Чуть не стал членом оранжевого братства…

– Чушь какая! Ничего подобного у нас здесь не бывает. Мы журналистов любим и охраняем…

– Да не, это прям сотка инфа, – настаивал Артем. – Где-то на дороге по ним стреляли. Мой кореш рассказывал, он работает в новостях…

– Что за оранжевое братство? – спросил Дима.

– Ну это… – попытался объяснить Артем. – Ты же видел, когда они кого-нибудь из пленных перед камерой ставят, они их в оранжевые костюмы одевают…

– И?

– …Как в тюрьме в сериале «Оранжевый – хит сезона»[5]. Только здесь обычно им головы…

– Так! Отставить! – резко сказал майор, встал и включил чайник.

Конечно, Дима все знал. Мы все знали. Возможно, абстрагироваться от этого проще, чем прикрываться шуточками, как это делал Артем. Хотя, говорят, смех продлевает жизнь.

После чаепития майор ушел на планерку и велел нам не покидать комнату пресс-службы. Но Артем захотел курить. А его одного отпускать я не хотел, поэтому мы вместе вышли на улицу.

– Реально никому не сказал, что сюда улетел? – спросил он.

– Не-а. Ну ты прикинь, родители с ума сойдут, будут новости целыми сутками смотреть и выискивать, где же там журналистов убили, а друзья еще хуже – будут клянчить: привези того, привези сего. Будут обижаться потом. Короче, лучше по факту. Вот, был там. Жив-здоров. А вот вам носки персидские.

– Носки… Смешно. А девушке тоже не сказал?

Я бросил сигарету в урну.

– Не-а, не сказал.

Я подошел к двери, но она оказалась закрытой. Я дернул еще раз.

– Так, а мы же знаем код от двери?

Судя по всему, мой вопрос был риторический. Но я все равно посмотрел на Артема.

– Майор ниче не сказал.

– Прикольно. Значит будем ждать, когда кто-нибудь войдет или выйдет…

– Димон!!! – вдруг заорал Артем на весь аэродром, глядя наверх. – Э-э-э-э-эй!!!

– Артем! Ты че? – шикнул на него я.

– А че? Так-то прохладно.

И вдруг неподалеку раздался громкий бабах. Мы переглянулись и прижались к двери здания, и стали бить в нее что есть сил. Раздался вой сирены и зажглись прожекторы. Мы лупили в дверь еще сильнее. Но она была по-прежнему закрыта.

Раздался еще один бабах. Несколько выстрелов. И мы зачем-то побежали в сторону взлетной полосы. Артем бежал чуть впереди. И я увидел, как его сбил с ног какой-то бородатый мужик. Повалил и стал крутить ему руки.

– Отпустите его! – закричал я. – Я, мы – журналисты из Москвы!

Тот придержал Артема коленкой и посмотрел на меня. Это был мужик в какой-то странной военной форме. И на руке у него был сирийский флаг.

– Илюха, оранжевый – хит сезона!! Бей его!

[5] «Оранжевый – хит сезона» (Orange Is the New Black) – популярный американский телесериал Netflix (2013–2019), повествующий о жизни заключенных в женской тюрьме.

Артем сделал рывок и бросился мужику в ноги. Схватил за одну из них и как мог стал бить кулачками по берцам.

– Беги, Илюха!!

Сириец откинул его одним махом. А я так жалобно посмотрел на мужика.

– Отпустите нас.

– Они тут! Сюда! – крикнул сириец подбегающим к нам людям с оружием.

– Будет обидно, если все закончится тут в первый же день, – с натянутой улыбкой сказал Артем, поневоле упершись лицом в траву.

Москва, за месяц до поездки в Сирию

– Ну, Илья, так бывает, – сказал хирург. – Мы удалили опухоль, но в тканях могут еще оставаться раковые клетки. Твои анализы именно про это и говорят. Хирургически их не удалить, а вот радиоактивный йод их найдет. Прикрепится к ним. И уничтожит.

– Это химиотерапия?

– Нет, – он почему-то рассмеялся. – Ты полетишь в клинику за границу и там тебе дадут таблетку изотопа йода-131. Называется это радиойодтерапия. Две недели посидишь в палате, пока йод не сделает всю работу. Потом спадет радиоактивный фон, и вернешься в Москву.

– Радиоактивный фон? – испугался я.

– Ну да, – спокойно ответил он.

– Ну… похоже на план, – буркнул я.

– Еще, Илья, первое время после терапии с Елизаветой физически контактировать нельзя.

Это означало спать порознь, посуду разделять и никаких интимных близостей. Это для ее безопасности.

Новый уровень защиты при сексе, подумал я.

Нет секса – нет проблем.

Может, мне вообще скафандр напялить и умотать в космос?

Множество биопсий, анализов, операция по удалению раковой опухоли, обследования, восстановление, каждодневные таблетки. А теперь еще и терапия радиоактивным йодом. Это не лечение, это война какая-то.

– Это наше общее испытание, и мы со всем справимся, – сказала Лиза, когда через неделю я собирался улетать в клинику.

За период моей болезни она часто так говорила. Но теперь у меня появилось ощущение, что это не общее, это мое личное. И хотя Лиза всегда старалась не показывать своей грусти, я очень хорошо знал ее, чтобы не замечать очевидного. А напускное веселье хуже самой настоящей печали. И когда я сказал ей об этом, Лиза будто взорвалась.

– И что ты мне предлагаешь?

– Я не знаю. Но перестань всё время меня жалеть!

– А я и не жалею! Подумаешь, рак! Подумаешь, йод! – кричала она. – Мы со всем справимся! Мы справимся. Вместе.

– Да? Тебе легко говорить! Справимся. Конечно! Сидишь тут дома, супчики варишь, сериальчики свои смотришь. Для тебя же вообще ничего не изменилось за это время. Это я теперь какой-то сломанный, заразный… Ты даже сейчас смотришь на меня по-другому, потому что я тебе стал противен! Так что не говори мне про это «вместе»! Нет никакого «вместе»! Есть ты, есть я, и есть этот гребаный рак. И у меня сейчас с ним отношения более интимные, чем с тобой.

– Это несправедливо, Илья, – сказала Лиза.

– Серьезно? – разозлился я. – Не нравится – можешь вообще меня не ждать!

Я молча собирал рюкзак, а Лиза ушла на кухню. Я ходил по комнате, не зная, как еще затянуть время, чтобы кто-то из нас прервал паузу. Но ей было нечего сказать. Я уже все сказал за нее. По комнате бегал кот, то и дело мешаясь под ногами.

– Задолбал! – крикнул я и пнул его под зад.

Кот стыдливо убежал за помощью на кухню.

– Я всё. Собрался.

Я стоял в дверях и смотрел, как Лиза сидит у окна. И перед долгой разлукой я просто развернулся и хлопнул дверью с другой стороны.

Я ждал лифта, чувствуя, как теряю ее. Я злился. На себя, на нее. Дверь приоткрылась. Но почему-то это меня только больше разозлило. Я не хотел оправдываться, не хотел извиняться, не хотел ничего объяснять Лизе. Двери лифта открылись.

– Илья…

– Забей. Потом поговорим, – резко прервал ее я. – Когда вылечусь. Если вылечусь.

Я шагнул внутрь. Двери, как назло, долго не закрывались. Или мне так показалось. Я лишь слышал, что Лиза заплакала и не закрывала дверь в квартиру. Это бесило еще больше.

– Пока, – и судорожно стал тыкать на кнопку закрытия дверей.

В зеркалах лифта я взглянул на свои отражения. Они смотрели на меня со всех сторон мрачными испепеляющими взглядами, от которых нельзя было отвернуться. Когда двери лифта захлопнулись, я услышал, как Лиза подбежала к ним. Но отражения в зеркалах нажали на кнопки первого этажа. Я поехал вниз. На самое дно.

Телефон я выключил – не хотел этих слезливых сообщений.

За спиной был лишь небольшой рюкзак. Но границу по прилету проходил тяжело. Тетушка-пограничник прожигала меня своим взглядом. Зря я эту красную шапку надел. Хорошо, что без звезды и галстука. И это несмотря на открытый пятилетний шенген и письмо из клиники. Паспорт вернула быстро, а медицинское направление читала долго. Потом ехидно улыбнулась и открыла турникет. Наверное, подумала: «Проходите, молодой человек, мы и вас вылечим». И турникетом мне по заднице. Бам!

Доехал быстро – город маленький. Вышел из такси, поднял голову. Небо было серым и мрачным. Ну хоть такое. Ближайшие две недели я и его не увижу. Включил телефон. Прилетело несколько пропущенных от Лизы. И сообщение: «Удачи». Прям как Цой. И я пошел навстречу звезде, зовущей меня в путь. Ну, то есть не звезде, а огромной красной надписи: «Северо-Эстонская Региональная больница».

Заселился в палату. Первый этаж. Отдельная комната с туалетом, душем. Огромная кровать с пультом управления. Лежишь и кнопочками то поднимаешь спинку, то опускаешь. Забавно. Еще интернет. Ну и самое клевое – огромная свинцовая входная дверь, которую они закроют на две недели после приема радиоактивного йода. Боятся, наверное, что убегу. В общем, такой приличный номер типа супериор. Бункер комфорт-класса. Поэтому «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку…». Поужинал. Лег спать.

– Так вы оператором работаете на телевидении? – спросила меня утром русская медсестра, когда из металлической коробочки пинцетом пыталась зацепить таблетку радиойода.

А сама такая в свинцовом фартуке, шарфе и перчатках.

– А у меня сестра в Москве в Останкино работала у Малахова… Вы не у Малахова?

– Нет.

– Сестра говорила, что им много писем в редакцию шлют. Она их читает и отбирает интересные истории. Так вот, одно письмо их же бывшая коллега написала. Она обвинила своего начальника… как там у вас…

У вас?

– …Одного редактора в сексуальных домогательствах… Или как это называется у нас…

У нас?

– …В харассменте. Откройте рот.

И молча смотрит на меня, будто ждет чего-то. А я гляжу на нее, словно птенчик с открытым ртом, типа «покормите меня».

– Так, Илья, вот и таблеточка…

Зажмурился. Медсестра вставила мне в рот длинную свинцовую трубку. И по ней она пустила не таблеточку, а таблетище. Как пухленький мальчик в аквапарке, она пролетела сквозь трубу. А потом застряла в горле. Просто встала комом. Ни туда, ни сюда. Можно ли так глупо умереть от целебной таблетки радиоактивного йода? Тупо задохнуться. В глазах потемнело. Я закашлял. Жестами попросил воды. Запил. Проглотил. Фух… Медсестра вышла, свинцовая дверь захлопнулась. А в животе как будто потеплело – ядерный реактор запущен. Ну, товарищ инженер Дятлов[6], в этот раз не накосячьте!

[6] Анатолий Дятлов – заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС, признанный судом одним из главных виновников ядерной катастрофы 1986 года.

«Садык»

Сирийская Арабская Республика. День 2

Я только что выпил свои таблетки и, стоя у окна, надевал штаны. Артем спал как убитый. На его щеке красовалось красное пятно от удара.

Это была отдельная офицерская комната в небольшом модульном сооружении. Оказалось, что вчера, когда мы с Артемом нарушили наставления майора Протасова не покидать пресс-центр, на базу была совершена попытка нападения. Мы с Артемом, само собой, к такому не были готовы и побежали куда глаза глядят. И нас с ним перепутали с теми, кто мог напасть на военную базу. В целом, так оно и бывает, когда нарушаешь какие-то запреты, даже те, которые кажутся совершенно неважными. А ночью, после того как узнали, кто мы, нас почему-то доставили сюда, где мы с Артемом благополучно заснули, а добрые военные видимо не стали нас будить. З – забота.

Я заварил кофе и готовился насладиться им. Но в комнату вошел, нет – вплыл – тот самый сириец в странной военной форме, который вчера повалил Артема.

– Добрая утра, – он пожал мне руку.

Артем вяло приподнялся в кровати и на мгновение замер, увидев его, и притронулся к красной щеке.

– Я Ахикар. Ахикар значит уважаимый брат, друг. Я твой друг, ты мой друг.

– Друг? – Артем ничего не понимал.

Я тоже. Ахикар дружелюбно хлопнул Артема по голому плечу.

– Да, Ахикар – значит, садык[7]. Друг.

На секунду я подумал, что ночью нас завербовали в сирийскую армию.

На помощь пришли майор Протасов и Филипп.

– А вот и мои ненаглядные, – радостно воскликнул Филипп. – Приняли вас вчера копы?

– Какие еще копы? – спросил Артем.

– Военные копы. Милитари полис.

– Ахикар как раз вас и поймал, когда вы покинули пресс-центр, – сурово сказал майор Протасов. – И передал военной полиции. Хотя я вас и предупреждал.

– Да, ошибка вишла, – улыбнулся сириец. – Пора завтракать.

Как нашкодившие школьники, мы топали на завтрак в сторону здания аэропорта, где, по словам нашего нового «садыка», была лучшая в Сирии шаурма.

– С этими оболтусами все понятно, – кивнул на нас с Артемом Дима. – А ты где был всю ночь? Я так-то хреновенько спал…

– А мы очень даже клево, – перебил его Артем.

– …Как я вот теперь в кадре появлюсь с мешками под глазами? – продолжал Дима. – Ты нам гостишку обещал. И суточные.

– Димон, суточные раздам. Не переживай, – сказал Филипп. – А гостиница – ты сам слышал, что полковник сказал. Ночью ехать было опасно.

– Тогда бы с нами остался в пресс-центре, – не отставал Дима.

– Я бы и остался, но ты же слышал Липатова – не мог отказать ему.

– То есть ты теперь снова не продюсер, а военный? Удобненько, – язвительно сказал Дима.

– Знаешь что?

[7] Садык (араб.) – «друг», «верный товарищ».

– Что?

– Вот и все! – Филипп хотел сказать что-то многозначительное, но в итоге просто начал оправдываться. – Я, между прочим, полночи с командиром авиабазы общался, Дмитрий. Пожелания все наши ему рассказывал. Про полеты, перелеты, съемки. Чтобы нам тут в сложившихся условиях было комфортно. И тоже не спал. Работал.

Мы с Артемом переглянувшись, улыбнулись. Продюсер, который так заботится о съемках и команде – это, конечно, редкость.

Мы зашли в здание аэропорта.

– Сурия – мирная нация. Свитская. Богатая, – говорил Ахикар. – У нас вси било – мори, атили, гастиницы, фрукти, нифть, золата било. А эти нилюди, конично, ни правы. Но мы их виганим… вмисте.

Он многозначительно посмотрел на нас. И даже приобнял щуплого Артема. Как будто именно с нами он и планировал выдворять террористов со своей родины. Ахикару было под пятьдесят, и он был не единственным сирийцем, сносно говорящим по-русски. Ахикар учился в Москве. Там же он выучил язык, первый раз попробовал алкоголь и женился. А потом вернулся в Сирию и устроился инженером на ГЭС. А вот как он стал военным, он так и не рассказал. Зато не отставал от нас ни на шаг. И всё время о чем-то расспрашивал Диму. Тот, чтоб хоть как-то отвязаться от него, пошел в туалет. И Ахикар присел на уши Артему. Даже в кафе сел рядом с ним. А меня Филипп схватил под руку и тихо сказал:

– Илюха, короче, вы вчера набарагозили тут…

– Да мы просто испугались…

– Неважно, теперь этот Ахикар приставлен к нам сирийской стороной, чтобы следить за нами. Он полковник Мухабарата.

– Муха чего? – спросил я.

– Мухабарат – военная разведка Сирии, – тихо сказал он. – Ты хоть что-нибудь про Сирию читал перед поездкой?

С шаурмой к нам подошел Дима.

– А ниче, кстати. Ученые говорят, что шаурма – самая полезная еда. Типа тут и мясо, и овощи, и лаваш. Еще бы без майонеза этого…

– Приятного аппетита, Дима. Так, еще раз, – снова тихо сказал Филипп, – сириец этот – это полковник Мухабарата.

Он многозначительно уставился на нас.

– Полковник чего? – удивился Дима с набитым ртом.

Я кивнул Филиппу, мол, я не один тут ниче не понимаю.

– Военная разведка…

– Разведка? И что он разведывает? Этих двух придурков? – удивился Дима, кивнув на меня с Артемом. – Ничего личного, Илюха.

Я промолчал. Ситуация и вправду была не в нашу пользу.

– Да тихо… – шикнул Филипп и посмотрел на Ахикара, который продолжал забалтывать Артема.

– Ерунда какая-то… Подумаешь, парни под террористов вчера закосили, – улыбнулся Дима.

– Просто будьте бдительны, – резюмировал Филипп и тоже принялся за шаурму.

Мы так и не поняли, что в итоге он имел в виду своим предупреждением. Но мне показалось, что сирийская разведка работает так себе. Потому что их полковник выбрал ложную цель в виде Артема. Ну или это был какой-то хитрый военно-тактический прием.

– Сийчас в Сирии ниспокойно, но это вриминно. Вси вриминно. Это тожи пройдит, – сказал нам Ахикар, когда мы поели. – Каждый потирял кого-то на войни, кто-то погиб, кто-то пропал. Но вси найдут своиго близкого, эти нити ни разорвани.

– А вы тоже кого-то ищете? – спросил Дима.

– Ищу. Брата.

– А почему вы тогда здесь, на аэродроме? – без малейшего намека на неловкость спросил Артем.

– Служба отнимаит много вримини. Ну что, идим брать интирвью?

После завтрака мы пришли на «парковку» самолетов. Там нас ждал полковник, который отвечал за них и за их полеты.

– У нас смешанная авиагруппа, – гордо начал он. – Вот, смотрите…

И полковник указал на один из десятков стоящих на парковке самолетов, рядом с которым находились летчики и техники и что-то обсуждали. Он рассказал про технические характеристики самолета, его цели и задачи в Сирии, возможности и условия эксплуатации, боевую нагрузку и дальность полетов. Поразмышлял о перспективах авиации в целом…

– Стоп-стоп-стоп, – перебил его Дима. – Это все интересно и занимательно. Но, товарищ полковник, это сухие цифры. Это новости. А мы кино снимаем, нам нужно что-то новое, эксклюзивное. Понимаете?

– Нет, товарищ журналист, не понимаю, – ответил полковник и уставился на Диму.

Пока Дима старался переубедить полковника, я стоял за камерой под палящим солнцем и жмурил глаза. Артем стоял рядом в наушниках и одной рукой держал микрофон, а другой умудрялся мазать себя солнцезащитным кремом. Подбородком он держал светоотражатель, который направлял солнечные лучи прямо в лицо полковника, отчего тот щурился и бесился. Филипп что-то разглядывал в телефоне и изредка переговаривался с нашим майором пресс-службы. Ахикар стоял неподалеку и наблюдал. И слушал. Вдруг Дима все-таки разговорит полковника на нечто интересное, и что-то тайное станет явным. Но спор затягивался, и в конце концов полковник плюнул на интервью и ушел по своим делам. Ахикар, видимо, расстроенный таким поворотом, заскучал и спрятался в тени крыла самолета. Майор пресс-службы Александр раскраснелся и схватился за сердце.

– Знаете, чего мне стоило уговорить товарища полковника на интервью? А вы так с ним…

– Нестрашно. Его не запишем, кого-нибудь другого найдем, – Дима отпил из своего стаканчика кофе.

– Дима, какого черта! – завопил Филипп, провожая взглядом уходящего вдаль полковника. – Где мы сейчас будем искать еще кого-то?

– Друга твоего Липатова запишем. – иронично заметил Дима.

– Липатова мы и так запишем, не волнуйся. Только нужно еще кого-то записать.

– Зачем? – завелся Дима. – Фил, это все уже в новостях было. По сто раз одно и то же. Кино – оно ведь про людей.

– А полковник что, не человек? – удивился Филипп.

– Я про другое. Слышал, что наш садык из Муха чего-то там сказал? Каждый сириец потерял хоть одного близкого человека. Каждый, Филипп! Это не просто трагедия одного человека, это трагедия всей нации. Вот это история, понимаешь? А не эти жестянки с бомбами.

– Эти жестянки с бомбами, как ты их называешь, как раз и дают людям по всей Сирии надежду. И возможность найти близких, – парировал Филипп.

– Ну, мне тоже кажется, что нужно искать истории про конкретных людей, – заметил я.

– Вот! И Илюха со мной согласен.

– Ну давайте еще у Артема спросим мнение! – не выдержал Филипп и развел руки в сторону. – Без обид, Илюша, но ты смотри в свою камеру и снимай красиво, что скажут. А не то, что тут фантазирует Дмитрий.

Артем на секунду прервал свою процедуру намазывания лица кремом, посмотрел на Филиппа, но потом снова продолжил натирать покрасневший нос, показывая своим выражением лица – мне вообще пофиг. Я уткнулся в камеру – пусть каждый занимается своим делом.

– Так, товарищи журналисты, что вы тут бунт мне устраиваете? У меня в планах стоят интервью еще с командирами штабов и координации полетов. Их не снимем – ничего не снимем.

– Это как? – спросил Дима.

– А так, Дима, – раздувая ноздри, ответил Филипп за майора. – Есть договоренность. Значит, надо снять.

– Зашибись, – сказал Дима и пошел в сторону пресс-центра.

Майор побежал за ним, размахивая папкой и крича, что передвижения по взлетно-посадочной полосе возможны только в сопровождении.

Я взглянул на Филиппа.

– Ой, вот не смотри на меня так, – раздраженно сказал он. – Разве я не прав?

Я пожал плечами.

Филипп бросил взгляд на прохлаждающегося Артема и побрел за Димой.

Пока Дима и Филипп выясняли, как правильно и про что снимать кино, майор Александр вернулся и указал в сторону спортплощадки.

– А тут у нас, товарищи телевизионщики, морские пехотинцы, – сказал он и гордо провел рукой с папкой в сторону молодых ребят, занимающихся на тренажерах.

Все они были как будто одинаково среднего роста и одинаково крепкой комплекции. И командир их тоже, даже чуть покрепче. Видимо, это про них писал Пушкин: «Все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор»[8].

Вернулись Дима и Филипп. Подходя к нам, Дима обозвал Филиппа жуком. Филипп сказал, что это оскорбление, и что он может втащить Дмитрию. После чего он был послан Димой на три буквы. Эти же буквы повторил и Филипп, только теперь уже в адрес Димы. Но, подойдя к нам, парни замолчали. Профессионализм, как говорится. Лишь майор Протасов продолжал краснеть и хвататься за сердце, потому что все это слышали богатыри из сказок Пушкина.

– Это кто? – спросил Дима.

– Морские пехотинцы, – ответил Александр.

– Ну, логично – мы же на море, – оглядев аэродром, сказал Дима. – Как снимать будем?

Сценарий я предложил такой:

Сцена 18. Комната отдыха морпехов / Улица. Утро.

Морпехи занимаются своими делами. Поступает сигнал тревоги. Они резко подрываются и накидывают на себя всю амуницию. Берут оружие. Выбегают из помещения с двух сторон из разных дверей, разделяясь на группы. По дороге заряжают автоматы и передергивают затворы. В двадцати метрах стоит вертолет, винты которого уже вовсю крутятся. Пилот машет группе бойцов и подмигивает. Слегка пригнувшись, обе группы морских пехотинцев в замедленной съемке бегут к вертолету. Одни запрыгивают сбоку, другие – сзади. Последний закрывает за собой дверцу и встает за пулемет. Передергивает затвор. Вертолет резко взлетает и быстро уносится в сторону солнца…

[8] «Все равны, как на подбор, / С ними дядька Черномор» – цитата из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина (1831), описывающая появление тридцати трех витязей (богатырей) из морской пучины.

– Нет-нет, так не пойдет, – перебил меня командир богатырей. – Во-первых, никто вот так просто не сидит и не занимается своими делами. Во-вторых, зачем они выбегают из разных дверей? Группа идет друг за другом. Никто никому не мешает. В-третьих, заряжать автоматы на бегу – это странно. Можно спокойно это сделать в вертушке…

– А зачем я подмигиваю им? – спросил меня пилот вертолета.

– Ну это же кино, – пытался убедить их я. – Тут надо как бы вас круто показать…

– А мы что, не крутые? – обиделся командир.

– Я не то имел в виду, – покраснел я. – Ну смотрите, вот если всё снимать как на самом деле, это же будет непонятно зрителю. И не пафосно.

– А надо пафосно?

– Ну да. Знаете, как в фильмах.

– Ну-ну.

– Я имею в виду, что в кино военные всегда показаны излишне круто. Бегут такие в замедленной съемке, с автоматами, все дела. Возможно, так не бывает, но это неважно. Главное – эмоции.

– Ну, мысль ясна, – сказал командир.

– Я все равно не понимаю, зачем мне им подмигивать? – снова спросил пилот, но, пожав плечами, все равно пошел заводить свой вертолет.

После съемки на обеде к нам снова присоединился сириец Ахикар. Снова что-то расспрашивал у Артема – методично бил в слабое звено. Дима таращился на него весь обед, а потом вдруг сам подошел к нему и заговорил.

– Ахикар, здравствуйте, – и так нелепо улыбнулся.

– Дмитрий, как ващи сьимки?

– Да, знаете, раз уж вы об этом спросили, не очень. Истории нет. Вот вы говорили про людей, которые своих близких ищут, как вы брата.

– Да, три года ищу иво. Всю страну объихал.

– Так может, вы нам дадите интервью?

– Нит-нит, это никак. Слущба ни позволяит. Вам надо в Тадмор[9], это рядом с Пальмирой[10]. Там цилий город исчиз. Кто бижал, кого в плин взяли. Там много людий своих близких потиряли.

Дмитрий пожал ему руку, встал и радостный вернулся за наш столик.

– Какая Пальмира, Дима?! Кто нас туда пустит? Ее меньше месяца назад освободили только, – прервал его еще не доевший свой обед Филипп.

– Липатов твой, или еще кто у тебя из знакомых там.

– Ты думаешь, это так просто?

– Не знаю, Фил. Ты продюсер. Решай, какое кино ты привезешь на канал.

Филипп взглянул на Диму и задумался. Он, видимо, вспомнил своего начальника и его секретаршу Катерину, которую ненавидел так сильно, что во всех его сексуальных фантазиях она была главным действующим лицом.

– Коллеги, да вы с ума, что ли, сошли! – сказал майор Протасов, чуть не выронив кусок шаурмы изо рта. – Это никуда не годится! Туда вас никто не пустит и ответственность за вас не возьмет. Саперы сейчас город метр за метром разминируют.

– Ну вот, значит, там уже на сотню метров безопаснее, – радостно сказал Дима.

– Дмитрий, это невозможно – и точка!

---

[9] Тадмор – город в Сирии, современный спутник древней Пальмиры; место ожесточенных боев и масштабных разрушений во время гражданской войны.

[10] Пальмира – один из богатейших городов поздней античности в Сирийской пустыне; памятник Всемирного наследия ЮНЕСКО, сильно пострадавший от разрушений в ходе недавней гражданской войны.

– Саперы, – задумчиво сказал Филипп.

Он посмотрел на Диму и встал из-за стола.

– Репин? – догадался Дима.

– Репин. Но это не означает, Дим, что мы не снимаем то, что нам надо снять.

Филипп закинул в рот кусок хлеба и вышел из столовой. Майор Протасов снова покраснел и побежал за ним, приговаривая: «Филипп Натанович, Филипп Натанович».

– А кто такой Репин? – спросил я Диму.

– О, ты будешь в восторге, – ответил Дима и пошел спасать Артема от таинственного сирийца Ахикара.

Эстония, за три недели до поездки в Сирию

– Приятного аппатета, – раздался на ломаном русском голос из предбанника в моем бункере. – Дождитэсь, пока я выйду и закрою дверь.

Свинцовая дверь хлопнула, и я вошел в предбанник. Там полочка для еды. Подошел. Посмотрел на поднос. Отварная курица. Запах мощным хуком ударил в нос. Я отшатнулся. Никогда не имел ничего против этой птицы, но, видимо, поглощающему меня изнутри йоду курица оказалась не по вкусу. Я сглотнул. Дичь добила меня апперкотом. Я выбежал из предбанника. Стошнило на пол. Реактор все-таки взорвался, сообщив о ЧП вот таким гнусным способом. Эх, товарищ инженер Дятлов, как же так…

Я задержал дыхание и снова вошел в предбанник. Взял воды и овощей с фруктами. Вышел. Выдохнул. Положил их на стол и сел на кровать. Взглянул на мокрый пол. Вздохнул.

– Илья, добрый день, – раздался голос из динамика бункера. – Я – ваш лечащий врач Сергей Каллас. Извините, это наша вина. У вас диета. Но мы можем ее скорректировать. К сожалению, в палату никто из персонала к вам зайти не может из-за повышенного радиоактивного фона. Прибраться вам нужно самим. В ванной комнате вы найдете швабру и ведро. Рекомендую делать влажную уборку каждое утро и вечер. Пыль и радиация не лучшее соединение…

А я сразу и не заметил небольшую камеру в углу палаты. Прям реалити-шоу «Вылечим – не вылечим».

– …И, чтобы скорее снять негативный радиофон, пейте больше воды. Занимайтесь физнагрузкой, чтобы потеть. Почаще ходите в туалет и мойтесь три-четыре раза в день. С потом и мочой выходят убитые радиоактивные клетки…

А я представил, что я теперь такой злодейский супергерой. Меня поймали и держат в свинцовом бункере из-за моей суперспособности. Радиационная моча. Острая, как лазер. Или же так: после таблетки радиойода я стал зеленым ушастым сморщенным созданием, говорю с использованием инверсии, дерусь палочкой и медленно шевелю огромными ушами. Такой Мистер Радиоактивный Йода. А они наблюдают за мной. Изучают. Но скоро я все равно совершу побег…

– А то, что вас тошнит – это в рамках нормы, – спокойно продолжил доктор. – Ваше тело сейчас, так сказать, территория, на которой идет борьба с захватчиками. Йод найдет раковые клетки, где бы они ни были. И убьет их. Это хорошо. С одной стороны. С другой – надо понимать, что это огромная нагрузка на ваш организм. Здоровые клетки пусть в меньшей степени, но тоже страдают. Парадокс? Да. Но это и есть лечение.

Я взял ведро и швабру. Помыл пол. Помыл швабру. Помыл руки. Взял яблоко. Его тоже помыл. Снова помыл руки и снова помыл яблоко. Впереди были две недели ожидания, которые я намеренно планировал провести, ни с кем не общаясь. Просто запереться в свинцовом бункере и пережить это время, забыв про всё, что было и есть снаружи. Мне было страшно.

Лиза звонила, но я не отвечал. Закидывала меня сообщениями, но я их игнорировал. Потом она стала писать реже и реже, наверное, решила меня не беспокоить или просто устала. В любом случае, от меня теперь мало что зависело. Я просто пил воду, занимался физкультурой, потел, мылся, мыл пол, мыл еду, пил много воды, ходил в туалет, тупо смотрел в окно, мыл окно, бегал от стены до стены, приседал, отжимался, снова потел, снова мылся, снова пил бесконечную воду, снова ходил в туалет и снова… Надеялся, что радиоактивный йод все-таки даст мне еще один шанс.

«Репин»

Сирийская Арабская Республика. День 3

– Парни, я договорился – едем к саперам, – радостно сказал Филипп, придя к нам на утреннюю шаурму в здании аэропорта.

– Отлично, Фил, можешь, когда захочешь, – похлопал Дима Филиппа по плечу, от чего Филиппа слегка передернуло. – Репин помог?

– Да он в восторге от этой мысли. Я только заикнулся об этом, он уже все решил через Москву.

– А он где?

– Там, где нас пока нет. В Пальмире.

Мы были рады. Пальмира!

Филипп вспомнил про какую-то арку, и что она была на учебнике истории за пятый класс в школе. Артем не поверил. Филипп нашел в интернете. Показал фото. Дима пошутил над тупостью Артема. Сказал, что тот, наверное, и в школе-то не учился. Поэтому откуда ему знать про учебники. Посмеялись.

После обеда стали собирать вещи и оборудование. Борт «285» должен был прибыть с минуты на минуту. Я подумал, что в Пальмире в центре пустыни с водой будет проблематично, поэтому решил прогуляться до здания аэродрома в магазин. Купил несколько пятилитровых бутылок и через двадцать минут уже шел обратно к парням. Пока шел, все пальцы протер пластиковыми ручками. И ведь хоть бы кто из группы подбежал помочь. Хотя парни и видели меня и мое мученическое лицо, но стояли молча и не двигались. Даже как будто глаза прятали.

– Помочь мне, конечно, никто не собирался, это понятно, – кинул я пятилитровки на наше барахло, – но лица-то можно было и попроще сделать.

Парни же лишь вздохнули и как-то печально посмотрели на меня.

– Че такое? Мало воды? Идите тогда сами. А лучше идите в жопу!

– Борт прилетел, – сказал Артем.

– И че? Меня ждали, чтобы погрузиться?

– На нем мы уже не полетим, – продолжил он.

– Да что ты! – злился я. – Мы теперь в загадки, что ли, играем?

– Он попал под обстрел, – сухо сказал Дима, глядя себе под ноги.

– Вертолет снизу в решето, – добавил Артем.

– Ладно, парни, отставить панику, – наконец сказал Филипп. – Нам обещали дать другой.

– Ам-м-м… – замялся я. – Может, нам тогда вообще туда не надо?

Увидеть Пальмиру очень хотелось. Но вот увидеть Пальмиру и умереть – не очень.

– Да мы вот и размышляем, – сказал Дима. – Я на такое не подписывался.

– Ну знаешь, Дима, ты сам меня просил замутить что-то эдакое и эксклюзивное.

– Ну не такое же!

– А ты как будто не знал, что здесь происходит? – вспылил Филипп. – Думал, что тут в игрушки играют. С пластмассовыми пульками, да? Военные всегда на острие. Там, где опасно…

– А я смотрю, ты снова у нас военный? – парировал Дима. – Не слишком ли быстро переобуваешься? То ты не военный и ничего не решаешь, то типа такой бравый солдат. Удобненько.

Филипп не ожидал от Димы такой нападки, но ответить не успел. Подошел майор пресс-службы.

– А я вас предупреждал… – сказал он.

– Ой, Саша, давай только без этого, – ответил Филипп.
– Ладно, не волнуйтесь, скоро полетите.
– А мы не из-за этого волнуемся, – сказал Дима.
– А ты с нами не полетишь? – спросил я Александра.
Не знаю почему, но с майором на борту казалось безопаснее.
– Нет, там на аэродроме Тифор[11] вас встретит ваш любимый полковник Репин.
– Да кто такой этот Репин? – снова спросил я.
Филипп и Дима улыбнулись.

Прилетел вертолет. Новый. Каждый из нас думал о том, что еще не поздно отказаться. Не влезать на борт, не лететь, не рисковать. Но мы закидывали свои вещи и съемочное оборудование внутрь вертолета и молчали. Вот так, наверное, и выглядит храбрость. Тебе страшно до чертиков, но ты ищешь, для чего ты должен быть храбрым. Ради кого быть храбрым. Я вспомнил, как садился в самолет до Эстонии. Как отдал посадочный билет милой девушке из Аэрофлота, как шел по трапу, как садился в кресло и проверял застежку на ремнях безопасности, как поругался с Лизой… Она бы, наверное, сказала, что лететь в Пальмиру храбрая, но очень глупая затея. Но ведь между храбростью и глупостью тонкая грань. И я, балансируя на этой грани, все-таки шагнул в вертолет.

Внутри вертолета Артем накинул на себя бронежилет.
– Не поможет, – сказал Филипп. – Стреляют снизу. Лучше под жопу себе его положи.
– А сколько лететь? – спросил Дима.
– Часа два.
Летим. Очень быстро летим.
– А какая скорость? – спросил я у бортинженера.
– Что?! – он в шлеме. Не слышит.
– Скорость какая?!
– 250 плюс минус!
– А зачем так быстро?!
– Чтобы из пулеметов не обстреляли!
А мы еще так низко летим. На уровне проводов, и земля такая холмистая. Провода то под нами, то мы под ними.
– А зачем так низко? – крикнул я.
– Чтобы ракетой не попали!
– Ясно! – ответил я.
А самому ничего не ясно. Быстро, чтобы пулемет не попал, и низко, чтобы ракета не сбила. Может, лучше было нас с космодрома туда отправить? В общем, страшно. Дима вообще надел капюшон своего красного худи и уперся в телефон. Фотки какие-то рассматривал. Умозрительно, наверно, перенесся туда, где про ракеты и не слышали. Филипп же пытался поспать. Ему, как бывшему военному, такое, видимо, было не впервой. Бортинженер жестом показал на задний иллюминатор.
– Что там?! – испуганно крикнул я.
Он снова указал на него. Артем, который сидел на своем бронежилете позади всех, тоже заметил этот жест. Обернулся и посмотрел в иллюминатор. По-детски улыбнулся и помахал кому-то.
– Ты кому машешь? – крикнул я, подойдя поближе.

[11] Тифор (Эт-Тияс, Т-4) – крупнейший военный аэродром и авиабаза в Сирии (провинция Хомс), расположенная на стратегически важной трассе между Хомсом и Пальмирой.

– За нами вертолет летит, – радовался Артем.

– И чего тут веселого? – не понял я.

– Ну как! Если нас собьют, то он расстреляет тех, кто нас сбил.

– А нам-то какая польза от этого?

Артем пожал плечами и снова весело помахал в иллюминатор. Я присел на свой бронежилет и подумал, что все-таки хорошо, что за нами летит еще один борт. Может, террористы, когда увидят в небе два вертолета, передумают стрелять. Или нет? Короче, об этом лучше не думать. Дело случая. Судьбы. Вселенского хаоса. Лотереи… Я решил взять пример с Филиппа – попробовать заснуть. Лопасти вертолета крутятся, звенят. Хотя не звенят, а ревут. Очень громко. Но монотонно. И покачивает, как в поезде. Поэтому, если отбросить мысли о бесконечно возможных причинах и следствиях своего конца, то можно и подремать.

Приснился Питер. Промозглая погода. Вокруг люди с зонтами, а я посреди Невского стою и пытаюсь разглядеть среди бесконечных туристов Лизу. Свою Лизу. А дождь заливает мне глаза. Ни черта не видно. Все расплывается, словно краски на картине. И я уже хватаю прохожих за руки, за плечи, за зонты, за которыми они прячут свои лица. Но среди них нет Лизы. Среди этих сотен, тысяч, миллионов людей вокруг нет моей Лизы. Но вот знакомая фигура движется прямо на меня. Все сливается из-за этого дождя, но это точно она. Она подходит вплотную, и я заглядываю ей в глаза. Но не могу различить их. Лицо как будто смыто дождем. Я тру и тру по нему в надежде смахнуть всю эту воду, чтобы за ней увидеть ее зеленые глаза, брови, нос, рот, щеки, подбородок… Но вода не уходит, она лишь сильнее размывает ее…

– Лиза! – выкрикнул я и проснулся. Парни тоже проснулись. Филипп прыгнул с сиденья на пол и накрыл голову руками. Я уставился на него. Дима вскочил. Снаружи вертолета что-то громко бахнуло, потом начало стрелять и светиться.

– Что случилось?!

Бортинженер спокойно подошел к Филиппу. Коснулся его плеча, тот вздрогнул. Что-то сказал и помог подняться. Никто ничего не понял. А Дима так и остался стоять до конца полета. Видимо, обделался.

– Илюха, ты просто сука тупорылая! – орал на меня Филипп, когда приземлились.

– Да я просто забыл предупредить, – оправдывался я.

– Идиотина!

Да, мой косяк. Когда в Хмеймим прибыл новый борт взамен расстрелянного и вся группа печально грузилась в него, мы с Артемом повесили несколько небольших экшн-камер снаружи вертолета. Я попросил пилотов чем-то пострелять для кадра. И когда мы уже подлетали к аэродрому Тифор, командир вспомнил про мою просьбу и отстрелил защитные тепловые ловушки. К счастью, они так и не понадобились. Яркие огоньки разлетелись в сторону, издав громкие хлопки, напугав парней до усрачки. Короче, неловко получилось.

– С прибытием, товарищи журналисты! – бортинженер открыл боковую дверцу, когда вертолет коснулся земли. – За окном ясная погода, температура воздуха плюс 32 градуса по Цельсию, а по левую сторону от борта вы можете наблюдать наших сирийских друзей-садыков, которые к хренам просрали опорную точку в виде аэродрома Тифор. Поэтому следуйте за командиром, иначе наткнетесь на мину или еще чего-нибудь. Приятного отдыха.

Я вышел из вертолета и словно оказался на съемочной площадке фильма «Трансформеры»[12]. Той части, когда эти огромные роботы дрались в какой-то пустыне, и их разодранные руки, ноги и тела разлетались на десятки метров и с грохотом падали в песок. Повсюду обломки каких-то сгоревших железяк, тонны порванных прожженных проводов, взорванные самолетные двигатели и лопасти вертолетов, подорванные автомобили и пушки. И все это лежало и как будто медленно плавилось в раскаленном сирийском песке. Ну что ж, обрадовался я – фактура что надо!

– Ну наконец-то! – раздался радостный голос. – Что-то вы задержались? В кафе, что ли, по пути залетали?

Из бронетранспортера нам навстречу вышел знакомый Филиппа и Димы – полковник Репин. Невысокого роста мужчина, в песочной форме, словно из кино. Он улыбался так, будто вокруг ничего странного не происходило, и щелкал фисташки из полиэтиленового пакета, аккуратно складывая скорлупу себе в карман.

– Олег, привет, дорогой! – Филипп улыбнулся и первым пожал ему руку. – Как у вас тут? Спокойно?

– Да знаешь, Филипп, по-разному. Вот пока ждали вас, то там, то тут стрельнут. Товарищи журналисты, приветствую вас.

– Добрый день, – хором сказали мы.

– Новый фотик? – спросил Филипп.

– Ага. Что скажешь? Хороший?

Филипп взял фотоаппарат в руки. Покрутил его в руках.

– Да я не разбираюсь, – ответил он и отдал фотоаппарат Репину. – Это вот у Ильи спрашивай. А у меня новый айфон. Снимает не хуже всех этих камер. А? Ну чем не кино?

Филипп сделал совместное фото с Репиным.

– Ща закину тебе.

– Сейчас нельзя, Филипп, – сказал Репин. – Надо вам все телефоны выключить и симки вынуть.

– А что такое? Мы ничего секретного фоткать не будем, – запротестовал Артем. – К тому же интернет и так не ловит.

– Дело не в интернете, – к нам подошел офицер в маске. – В телефоне геолокация есть. А вычислят вас – значит, и нас.

Мы стали выгружать вещи и оборудование из вертолета. Репин подошел к Диме.

– Дмитрий, брата твоего видел несколько дней назад. Рассказывал про тебя. Ты молодец, что решил сделать такое кино.

– Ага, – сухо ответил Дима. – А он здесь?

– Уехал.

– Ясно.

Репин по-дружески хлопнул Диму по плечу и пошел что-то фотографировать.

– А че твой брат тут делает? – удивленно спросил Филипп Диму.

– Думает, что мир спасает, – ответил Дима и поволок свой чемодан к машинам.

Эстония, за шесть дней до поездки в Сирию

[12] «Трансформеры» (Transformers) – серия американских фантастических блокбастеров (с 2007 года) о войне гигантских инопланетных роботов; известна эпическими сценами разрушений и битвами в пустыне.

Время в замкнутом пространстве растягивается, словно жвачка, которую тянешь пальцами изо рта. Когда порвется, неясно. Поэтому, когда через две недели после радиоактивного йода мне делали сцинтиграфию[13] тела в узком гудящем закрытом аппарате, я представлял, что нахожусь в анабиозной капсуле во время космического путешествия. Лежу себе в халатике, в наушниках, чтоб не так громко было, а снаружи часики тикают. Может, время уже замерло, а может, сильно ускорилось. Как в «Планете обезьян»[14]. Вылез из аппарата, а тут триста лет прошло. Рак – уже не страшная болезнь, а так, как простуда или грипп. А ты без щитовидки, и йода радиоактивного проглотил. Обидно. Родился бы чуть попозже, может, и обошлось бы.

Всё время, что я находился в больнице, Лиза звонила, писала, присылала аудио и видеосообщения. Просила, чтобы я обязательно ей перезвонил. А я лишь пялился в телефон и снова, и снова его откладывал, боясь, что нарушу тревожное, но равномерное состояние своего замкнутого мирка.

Я не знал, что ответить ей.

А вдруг мое лечение пройдет безуспешно?

А вдруг мне теперь всегда по этим больничкам ездить?

А вдруг мне больше нельзя иметь детей?

А вдруг мне жить осталось совсем чуть-чуть?

А вдруг?..

– Результаты хорошие, – сказал доктор и вручил какие-то разноцветные снимки моего тела.

– Вы уверены? – переспросил я. – Меня все еще подташнивает.

– Это от нервов. На снимках все предельно ясно. Пока что вы здоровы.

– Пока что?

– Ну знаете, Илья, рак такое дело… Каждые полгода – обследования, наблюдения и гормональная терапия таблетками. Удачи.

Удачи? Не то слово! Я был очень рад. Быстро собрал рюкзак и написал Лизе: «Вылетаю!». Не хотел никаких подробностей писать по телефону, хотел просто обнять ее.

Я вышел из больницы. Небо было такое же серое, как две недели назад. Такое же, но почему-то совершенно другое. Оно было большим, необъятным, моим.

От больницы до аэропорта Таллина всего шесть километров. Поэтому на такси я решил не ехать. Хотелось прогуляться. К тому же диета была окончена, и я хотел чего-нибудь эдакого да пожирнее. А еще мне сказали, что можно выпить алкоголя, если хочется. «Не противопоказан», – это цитата.

Прошелся. Устал. Зашел в бар. Заказал бургер и пинту Гиннеса. Лиза молчала.

После бургера и пива можно и кальвадоса. Дижестив. Так меня учил отец Лизы. Вкуснятинка. Еще он учил считать сколько пьешь: «Никогда не забывай про бух-учет. Если ты перестал считать, ты уже не главбух, а просто бухарик».

Я это запомнил, но не всегда этому удавалось следовать. Поэтому на дорожку закинулся еще одной рюмкой. Какой же приятный. Яблочко, грушка. Или и яблочко, и грушка. У нас

---

[13] Сцинтиграфия – метод ядерной медицины, при котором в организм вводят радиоактивные изотопы (в данном случае – йод), после чего специальный сканер создает двухмерное изображение внутренних органов и тканей.

[14] «Планета обезьян» – культовый американский фантастический фильм (1968), герои которого засыпают во время космического полета, а просыпаются в далеком будущем, где прошли сотни лет.

же этих диких яблок в каждом дворе по полтонны валится, и никто такую прелесть не делает. Почему? Может, просто лень наклоняться и собирать эти фрукты. В итоге осенью всё гниет и воняет на всю улицу. И мошки в рот залетают. А так бы пили и грелись зимними вечерами.

До самолета еще три часа. Лиза так и не ответила. Я медленным шагом пошел к Балтийскому морю. У выхода из старого города заметил небольшую церковь. Зашел. Присел на скамейку. Помолился. Возможно, от алкоголя, а возможно, от тепла внутри церкви, а возможно, от чего-то совсем иного стало очень спокойно на душе. Мирно.

Далее брел по шоссе. Наткнулся на белую непропорциональную треугольную постройку с крестом. Очень странная. Загуглил. Оказалось, что это методическая церковь. То есть протестантская. С русской общиной. «В 1957 году, вернувшись из Сибири – видимо, из ссылки – пастор Александер Куум[15], вдохновлённый Духом Святым, начал русское богослужение в Таллине». А это, видимо, его последователи. Методично.

Дошел до моря. У берега лед. На льду лебеди. Черные. Или грязные. Посмотрели на меня. Переглянулись. Подошли ближе. Обступили меня, как гопники. Думал, семки стрельнут или отожмут телефон. Они что-то крякнули, прошипели по-эстонски. Я руками развел, мол, не понимаю. Они махнули крыльями и ушли. Языковой барьер все-таки.

Серое небо стало темнеть. Приближались сумерки. Решил больше не вступать в конфликт с местными и отправился прямиком в аэропорт. Ответа от Лизы все еще не было.

Самолет был небольшой. Лететь недолго. Но все равно покормили. Еда так себе, но после вонючей курицы даже заветренная ветчина показалась хамоном. Приземлились. Раньше мы с Лизой всегда гадали: до аэропорта на автобусе или все-таки подвезут рукав. Сейчас было пофиг. Но подогнали рукав. Спасибо. Включил телефон. Сообщение от Лизы: «Поздравляю» и точка. Как-то нерадостно. Хотел позвонить, но решил, что лучше увидимся дома.

Как только зашел в аэропорт, раздался гул сирен. Забегали таможенники и пограничники. Прибежал наряд полиции.

– Велкам хоум[16], – сказал себе под нос один из моих попутчиков.

Никто из пассажиров, казалось, не замечал этой суеты. Они просто продолжали идти к паспортному контролю и багажу. Я тоже пошел. И только когда у меня взяли паспорт, я вспомнил про письмо из эстонской клиники.

– Что это? – спросила меня дама-пограничник.

– Это письмо из больницы, где я проходил лечение радиоактивным йодом. Сирена, наверное, из-за меня сработала. Я немного радиоактивен.

Ее лицо стало похоже на один из популярных мемов. ШТА? Такое выражение лица, когда говорят, что рядом бомба. И я у нее такой первый. Типа лишилась радиоактивной девственности.

– Там написано, что мой радиационный фон повышен, но не опасен, – продолжил я. – Мне говорили, что в аэропорту датчики замеряют уровень радиации.

– Да-да, сейчас, – и ушла. Убежала.

---

[15] Александр Куум (1899–1989) – пастор, неофициальный патриарх эстонского методизма, отбывавший ссылку в Сибири; в 1957 году стоял у истоков создания первой русскоязычной методистской общины в Таллине.

[16] «Велкам хоум» (англ.) – «Добро пожаловать домой».

А я стою такой весь радиоактивный. Очередь задерживаю. Неуютно как-то. Пришла начальница дамы-пограничника. Прочитала письмо. Кивнула своей подчиненной. Махнула рукой полицейским. Показала пальцем на меня. И, не глядя, поставила печать в паспорт. Дверки открылись. Я прошел. По заднице никто турникетом не ударил. Спасибо. Теперь точно велкам хоум.

Вышел из аэропорта. Идет дождь. Зимой?! Дождь?! И чему я удивляюсь с такой-то экологией. Хорошо, что дождь не радиоактивный. Хотя мне уже пофиг. До дома добирался по пробкам. Таксист еще этот курил. Я демонстративно открыл окно и покашлял. Но ему пофиг. Я уже и забыл, что в Москве вот так. Всем друг на друга наплевать. Разница таких мегаполисов, как Москва, и таких небольших городов, как Таллин, огромная. Еще бы. Таллин – как спальный район Москвы. Пригород. А Москва – это ого-го! Столица. Хотя Таллин тоже столица. Но столичность в нем эта как-то не ощущается. Нет той самой помпезности. А где все эти пробки, суета, крики? Нет? Значит, вы не столица. А так – столичка.

Зашел в лифт. Поднялся на этаж. Чуть постоял у двери. Прислушался. Открыл дверь. Зашел. Дома было темно и тихо.

– Лиза?

Тишина. Достал телефон. Набрал ее номер. Долгие гудки. Скинул. Написал сообщение «Я вернулся. Ты где?». Надпись: «печатает…». Я стою и смотрю в телефон.

– Почему так долго? – буркнул себе под нос.

«Я у родителей».

Последние две недели я, как монах, держал обет молчания. Видимо, Лиза обиделась. Нужно было дать ей время выдохнуть.

Свет включать не стал. Кинул сумку на пол и сел рядом с ней. Потолок какой-то низкий. В больнице даже выше был. Может, бункером была не больничная палата, а этот коридор? Эта квартира? Этот город? Может, вся моя жизнь? Раздался звонок. Это был Вовка. Он единственный из моих друзей знал, где я был эти две недели. Видимо, переживал. Но с ним я говорить не хотел. Сбросил. Написал, что всё в порядке и что перезвоню. Через две минуты он снова позвонил. Заботливый.

– Че ты сбрасываешь-то? – наехал он на меня.

– Нормально? Я только приехал, а ты уже орешь?

– Там связь не ловит, что ли? Или ты аскезу принял?

– Ага, в бункере свинцовом прятался.

– Чего?

– Забей. Просто устал.

– Ясно.

И замолчал. Видимо, не знал, как спросить.

– Все хорошо, Володь. Надо наблюдаться дальше, конечно. Но ща все гуд. Я, правда, немного радиоактивный…

– Это как?

– Ну-у…

Объяснять мне было лень.

– Завтра заходи, ща реально сил нет. Пока, – промычал я и собрался уже скинуть звонок. – Володь, погоди, а ты не знаешь, где Лиза?

Он сначала замолчал.

– А что случилось?

– Забей. Все норм. Пока.

И положил трубку. Володя еще несколько раз перезвонил, но я не ответил. Подошел кот. Здравствуй. Я про него вообще забыл. Мне Лиза его на день рождения подарила года

два назад. Погладил. Приятно. Подумал, что это рабовладение какое-то. Кототорговля. Это вообще законно? Они же братья наши меньшие. А мы вот так с ними поступаем. Брат брату брата дарит. Короче, Лизы нет, а кот есть. Он потыкался мордой мне в лицо. Поорал. Изо рта воняет. Пришлось все-таки найти силы встать. Я скинул куртку и прошел на кухню. Миска была пустая. Нашел корм. Со вкусом курицы.

– Ты-то от нее еще не устал? – спросил я и насыпал горсть.

Он начал есть. Видимо, не устал. А я очень. Лег на кровать. Тупо. Так. Лежу. Час. Два. Встал. Смотрю в окно. Нашел в шкафу Лизины сигареты. Она иногда курила после бокала вина. Говорила, что так думается лучше. Закурил. Закашлял. Еще раз затянулся. Ну, думается так же. Даже как-то хуже. А я почувствовал, что внутри меня на месте сожженных йодом раковых клеток возникла пустота. И эту пустоту нужно срочно заполнять чем-то хорошим. Но я стоял один у окна в пустой квартире, вернувшись в то же состояние, из которого уезжал отсюда две недели назад. Выздоровление казалось бессмысленным. Снова возвращалась обида, грусть и злоба. Я ощущал себя резиновой полой игрушкой, которую сильно сжали и положили в кислоту. И через дырочку эта игрушка медленно наполнялась жгучей субстанцией. Едкой, резкой и злой. Многое теперь изменится. Я знал это. Я это чувствовал. Я потушил сигарету в струе холодной воды. Умылся, сплюнул горечь и заснул.

«Муавия»

Сирийская Арабская Республика. День 4

В лагерь саперов под Пальмирой мы приехали уже вечером. Познакомились с командиром, поужинали и уснули. Первая ночь прошла спокойно. Утром мы умылись, позавтракали, я принял свои таблеточки и, надев бронежилеты, мы отправились в Пальмиру.

– Че за таблы? – тихо спросил Артем, когда мы сели в броневик.

– Да так, – вдаваться в подробности мне не хотелось.

– Если чет клевое – заделись.

– Тебе такое не понравится. А долго ехать? – перевел я тему.

– Минут двадцать, – сказал офицер, сидящий с нами в кузове.

– Филипп, что с суточными? – спросил Дима.

– Дима, помню, – ответил Филипп. – Бабки в лагере. Не буду же я их с собой возить все время.

От лагеря до Пальмиры мы ехали колонной в несколько бронированных машин. Около четырех километров через пустыню и небольшой город Тадмор. Недалеко от него и располагалась инженерная рота – человек сто, не больше. Они вошли в город сразу после его освобождения и находились здесь уже около месяца. Разминировали территорию и готовили город к возвращению его жителей.

– А там, на холме, что? – спросил я Репина.

– Там замок Пальмиры. Замок Фахр-ад-Дин аль-Маани[17].

– Кого? – переспросил Артем.

– Одного из эмиров[18]. Он расширил владения Пальмиры в шестнадцатом веке.

– Мы туда поедем? – поинтересовался Дима.

– Нет, там не надо снимать.

– А че за секреты, Олег? – спросил Дима.

– У нас план сегодня на разминирование Тадмора и Пальмиры. Замки будете в Европе снимать.

Машина остановилась, и мы вышли на улицу.

– Пальмира – один из богатейших городов поздней античности, – вдруг патетично начал декларировать Дима, потягиваясь и зевая. – Он возник как перевалочный пункт для караванов, пересекавших Сирийскую пустыню. Эти развалины некогда величественных древнеримских сооружений по достоинству являются памятником всемирного наследия ЮНЕСКО…

– Это Тадмор, – перебил его Репин. – Пальмира чуть дальше.

Дима скуксился и огляделся. Никаких древних развалин вокруг нас не было. Были развалины вполне себе современные.

– Тадмор – молодой город, – продолжил Репин. – До войны здесь были кафе, бары и гостиницы. Тут останавливались туристы, приезжающие в Пальмиру. А сейчас тут… сами видите.

Мы стояли на площади, вокруг которой не было ни одного уцелевшего здания. Я достал камеру и стал снимать. Я никогда прежде не видел такого, поэтому то и дело отвлекался

---

[17] Замок Фахр-ад-Дина аль-Маани – средневековая горная крепость XIII века мамлюкского периода, расположенная на высоком холме над руинами Пальмиры в Сирии; названа в честь влиятельного ливанского эмира, расширившего свои владения в этом регионе.

[18] Эмир (араб. «повелитель», «князь») – титул мусульманского правителя, военачальника или главы крупного региона на Ближнем Востоке.

от видоискателя камеры, чтобы убедиться – не смотрю ли я какое-то чужое кино. А солнце жгло нас и наблюдало, как мы вместе с саперами обследовали разрушенные дома, автомобили, улицы некогда живого города. Репин рассказал, что раньше в Тадморе жили десятки тысяч человек, но, когда сюда пришли боевики, люди быстро покинули его. Это было заметно по наспех брошенным вещам. Заходить в дом без приглашения и видеть эти артефакты – разбитую посуду, игрушки, документы – было как будто нереально, не с нами, и даже не с теми, чьи фото мы находили под обломками бетона. Я прятался за объективом камеры – так меньше ощущаешь присутствие пыльных привидений, которые будто висели над нами и укоризненно смотрели на нас: «Зачем вы здесь?».

День тянулся медленно. Так же медленно шли инженеры, которые при нахождении мин или чего-то еще опасного поднимали руку вверх: «Стоять». Вся колонна останавливалась и ждала. Близко нас не подпускали. Бронежилеты все равно бы не спасли. Зато делали из нас курочек-гриль на такой жаре.

– Капец как душно, – сказал Артем.

– Я бы ща с удовольствием на карьере в Лыткарино[19] искупался, – вздохнул Дима.

– Ага, и подцепил какую-нибудь заразу? – усмехнулся Артем.

– Туда летом приезжают девчонки со всей Москвы, – со знанием дела сказал Дима и улыбнулся. – Поэтому я готов подцепить какую-нибудь прям грязную заразу, такую, чтобы прям жопа у нее…

– Да вы охренели, парни! – подошел Филипп. – Я раком стоял, чтобы вас сюда привезти, а вы тут про жопы болтаете!

– Ты же вчера сказал, что Репин сам всё организовал, – подловил его Дима.

– Не придирайся к словам, – замялся Филипп и пошел к Репину.

Мы улыбнулись.

Саперы к этому времени извлекли мину из-под брошенного чемодана. А на стене написали краской: «Мин нет».

– Кажется, неправильно пишут, – с улыбкой сказал Дима.

Через полчаса мы погрузились в машины и отправились уже в саму Пальмиру. Посреди пустыни нас встретил маленький Рим. Учитывая его возраст, все очень даже неплохо сохранилось.

– А это – храм Бэла[20]. Точнее, то, что от него осталось после этих уродов, – сказал полковник Репин. – Там Триумфальная Арка[21] была, ну вы, наверное, помните по учебникам истории…

Филипп со знанием дела посмотрел на Артема. Тот лишь фыркнул и брызнул солнцезащитным кремом себе на нос.

– …А вон там – амфитеатр[22]. В котором произошли трагические события.

– А можно ночью его поснимать? – спросил я.

---

[19] Лыткарино – город в Московской области, знаменитый своими обводненными песчаными карьерами (Волкуша), которые являются популярной зоной отдыха и пляжного туризма для жителей столицы и Подмосковья.

[20] Храм Бэла – главный языческий храм античной Пальмиры (I в. н. э.), посвященный верховному божеству. В 2015 году центральное здание храмового комплекса было полностью взорвано боевиками ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ).

[21] Триумфальная арка в Пальмире – знаменитый памятник античной архитектуры (III в. н. э.), визитная карточка Сирии, изображение которой размещалось в советских учебниках истории. В 2015 году была взорвана боевиками ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ).

[22] Амфитеатр в Пальмире – античный театр римской эпохи (II в. н. э.). В 2015 году, во время оккупации города, боевики ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ) превратили его сцену в место публичных казней пленных и местных жителей.

– Ночью? Так здесь нет освещения, Илья, – ответил Репин.

– А мы хотим ночные цейтраферы поснимать. Ну, типа фотки с выдержкой. Там и звезды будут видны, и сами развалины. Много фоток делаешь и потом соединяешь последовательно, получается видео. А на фоне звезды летят.

– Красиво, – протянул Репин.

– Очень!

– Но ночью здесь небезопасно.

– Товарищ полковник, смотрите, что нашел, – к нам подошел невысокий парень в форме и обратился к Репину.

В руке у него был тюбик шампуня.

– Это с времен, когда в Пальмире боевики были. Смотрите, у них лица женщин закрашены. Маркером прям. Странно, то есть шампунями пользоваться можно, а на девушек смотреть нельзя.

– Капитан, вопрос можно? – спросил Репин парня.

– Конечно, товарищ полковник.

– Точно?

– Ну да…

– А ты не охренел?

Капитан удивленно посмотрел на Репина.

– Никак нет, товарищ полковник.

– Это капитан Толиков, – представил Репин своего подчиненного. – Тоже из пресс-службы. Молодой еще. Но талантливый фотограф. Знакомьтесь.

– Петр, – сказал капитан и пожал нам руки.

– Ты зачем мусор подбираешь? – спросил капитана Толикова Репин.

– Я, товарищ полковник, не считаю это мусором. Это же история. Вот этот тюбик кто-то из боевиков держал в руках, может, даже мылся с ним.

– Странный фетиш, товарищ капитан. Так. Всё. Давайте вот там снимем саперов. И в лагерь.

Мы снова пошли снимать саперов. А капитан шампунь все равно захватил. И пошел что-то фотографировать.

Под вечер по дороге в лагерь колонна остановилась. По рации прозвучал голос полковника Репина: «Так, ребята, по всем машинам – капитан Толиков не с вами?». Далее поочередные ответы: «Никак нет». Мы переглянулись. Толикова с нами тоже не было. «Сука», – зачем-то в рацию сказал Репин.

– Они его забыли, что ли, на развалинах? – вслух произнес Дима.

– Прикол, – сказал Филипп.

– Есть охота уже, – заскулил Артем.

– Поешь бананов. Тебе полезно, – ответил Дима и протянул пакет с фруктами.

Артем скуксился, но бананы взял. Я приоткрыл дверь броневика. Колонна стояла посреди площади Тадмора. Одна машина развернулась и поехала обратно на развалины, искать капитана Толикова. Уже стемнело, и брошенный город выглядел иначе. Я взял камеру и стал снимать. Сначала удаляющуюся машину, оставляющую пыльный след, потом разрушенные здания на синеющем небе, разбитые витрины и отражающиеся в них обломки города, брошенные чемоданы, посуду, разорванных кукол, перевернутые детские коляски… Неожиданно в объективе камеры показалось движение. Я увидел мужчину. Он шел посреди улицы метрах в ста от нас и что-то держал в руке. С броневика спрыгнули несколько бойцов. Они рассредоточились и наблюдали. Ждали команды. На вид мужчине было чуть больше сорока. На нем были пыль-

ные прямые черные брюки, клетчатая рубашка и ботинки. Рыжий песок местами покрывал его кожу.

– Инта мин у райих фин? – крикнул один из офицеров мужчине. – Ты кто и куда идешь?

Мужчина не остановился. Но поднял руки и на ходу сделал несколько разворотов вокруг своей оси, давая возможность разглядеть себя – он безоружен.

– Че мы встали-то? – нервно сказал Дима.

– Фиг знает, ща вылезу – гляну, – ответил Артем с набитым бананом ртом.

– Ну? – нетерпеливо спросил Дима.

– Мужик какой-то идет.

– Че за мужик?

– Да я откуда знаю. Местный, наверное. На тракториста из мультика про попугая Кешу[23] похож.

Дима не выдержал и сам вылез из бронекапсулы[24].

– Снимаешь? – спросил меня Дима, откусывая остаток банана и выкинув кожуру в сторону разрушенного бара.

– Ага – ответил я.

Мужчина остановился метрах в двадцати от колонны. Командир кивнул бойцам. Несколько ребят подбежали к сирийцу, держа его на прицеле, и уложили лицом вниз. Обыскали. Подняли и подвели к командиру.

– Добрый день, я Муавия, – спокойно сказал мужчина командиру.

– Говоришь по-русски? – насторожился командир.

– Да.

– Кто ты, откуда?

– Я врач, и я ищу своего сына.

Он протянул командиру фотографию, которую все это время держал в руке. По словам Муавия, его пятнадцатилетний сын был похищен террористами полгода назад, и всё это время отец не оставлял надежды его отыскать.

– Это Малик, – сказал сириец, указывая на фото командиру. – Помогите найти его. Последний раз его видели здесь, в Тадморе, в прошлом месяце, перед освобождением города.

В это время со стороны развалин подъехала машина, в кузове которой сидел грустный капитан Толиков. Репин был на пассажирском сиденье. Он растерянно махнул командиру, мол, все в порядке, и их броневик тронулся в сторону лагеря. Командир кивнул. И снова посмотрел на Муавия. Местами кожа мужчины была обожжена, а проступавшая кровь на лице и руках была похожа на фиолетовые кристаллы йода. Глаза были мутными и влажными. Он молча стоял напротив командира и ждал. Я смотрел на него через объектив камеры и знал, что я всего лишь наблюдатель и не могу принимать участия в судьбе этого человека. Командир вернул Муавия фотографию, дал ему несколько бутылок воды и скомандовал колонне продолжить движение. Проезжая мимо отца, ищущего своего сына, смотря в его глаза, я вдруг возненавидел командира, который ничего не сделал; возненавидел солдат, беспрекословно выполнявших его команды; возненавидел себя и отмалчивающихся коллег, которые отвернули взгляды и дожевывали свои перезрелые бананы. Когда пыль от колес проезжающей колонны полностью накрыла Муавия и в кадре его лицо растворилось в бежевой песочной пыли, я нажал на камере кнопку «Стоп».

---

[23] «Возвращение блудного попугая» – популярный советский мультипликационный сериал (1984–1988); в третьей серии появляется колоритный сельский тракторист Василий в ушанке, ватнике и с широкой добродушной улыбкой.

[24] Бронекапсула – защищенный герметичный отсек внутри военного автомобиля или грузовика, изготовленный из высокопрочной броневой стали и пулестойких стекол для защиты пассажиров от обстрелов и подрывов.

Ближе к ночи мы были предоставлены сами себе и пошли в парк боевых машин. Там сели рядом с броневиком. Горизонт озаряли яркие вспышки от взрывов и огненные факелы горящих нефтяных вышек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.